

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ *JUS COGENS* КАК ПОНЯТИЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА¹

Аннотация. Содержание статьи касается сопоставления и разграничения понятий «основные принципы» и *jus cogens* (императивные нормы общего международного права) как явлений международно-правовой действительности с позиций их места в теории и практике международного права. В представленном материале автор не ограничивается фиксацией серьезной проблемы, существующей в сфере исследования и состоящей в немалом терминологическом разнообразии, что усложняет аппарат современной международно-правовой науки, а проводит последовательную дифференциацию многих иных понятий, помещаемых в разряд принципов международного права. При этом во главу угла рассматриваемой проблематики поставлен более широкий ее срез — анализ категории «принцип» как центральной, главенствующей в современном международном праве. Поскольку основные принципы выступают в качестве одного из главных понятий как системы международного права, так и его науки, их оценка осуществляется прежде всего с точки зрения их функциональной роли в правовом регулировании межгосударственных отношений. На фоне сравнения с нормами *cogens* основные принципы рассматриваются также для определения их значения для теории и практики международного права в целом.

Ключевые слова: Устав ООН; дифференциация; фрагментация; основные принципы; общепризнанные принципы и нормы международного права; общее международное право; императивные нормы; *jus cogens*; генезис; правовая природа; принятие; признание; юридическая обязательность; нормативность; общепризнанность; общие принципы права, признанные цивилизованными нациями; защита фундаментальных ценностей; международное сообщество.

**Людмила Петровна
АНУФРИЕВА,**

профессор кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук
lpnufrieva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.053-067

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01060 А.

L. P. ANUFRIEVA,

Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law)

lpanufrieva@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

DIFFERENTIATION OF BASIC PRINCIPLES AND NORMS JUS COGENSAS CONCEPTS OF THE THEORY AND PRACTICE OF MODERN INTERNATIONAL LAW

Abstract. *The article deals with both juxtaposition and differentiation of the concepts of “basic principles” and jus cogens (peremptory norms of general international law) as phenomena of international legal reality from the point of view of their location in the theory and practice of international law. Not limited to fixing a serious problem that exists in the field of research and consists in a considerable variety of terms having complicated the apparatus of modern international legal science, this article provides a consistent differentiation of many other individual notions which fall under the head of the principles of international law. Along with this, as the key-stone of the problem under consideration the broader “layer” — the analysis of the “principle” as a category of legal science shall be subject to accentuation as core, dominant in modern international law. Since the “basic principles” are one of the main concepts of both the system of international law and its science, they are evaluated primarily from the point of view of their functional role in the legal regulation of interstate relationships. While being compared with the peremptory norms of general international law (jus cogens), the basic principles are also envisaged in this article aiming to determine their importance for the theory and practice of international law in general.*

Keywords: *Charter of the United Nations, differentiation, fragmentation, basic principles, generally accepted principles and norms of international law, general international law, peremptory norms, jus cogens, Genesis, legal nature, acceptance, recognition, binding character, normativity, generally recognized principles, general principles of law recognized by civilized Nations, protection of the fundamental values, international community.*

Термин «**основные принципы**». Как ни удивительно, но в современной теории международного права не так просто сориентироваться в вопросе о принципах (хотя это его «несущая конструкция») в связи с множеством терминов, оперирующих элементом «принцип/принципы»². О необходимости

² См., например: Абашидзе А. Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4 (108). С. 19—29 ; Нефедов Б. И. Принципы в международном праве: терминология // Там же. 2019. № 1 (113). С. 6—17 ; Черниченко С. В. Базовые принципы международ-

«наведения порядка» в терминологических аспектах проблемы, касающейся принципов в международном праве, уже говорилось в российской литературе³.

В свете данной констатации представляется важным провести дифференциацию и классификацию, выявить существо каждого из понятий, присутствующих в разряде принципов, с учетом родового, видового и внутривидового разнообразия и различий в последних, равно как и фундаментального подхода к рассмотрению особенностей их юридического содержания с акцентом на некоторых из них и т.д.

Кроме того, за базовые положения в разработках следует принять анализ названного явления (а принципы в международном праве — это, несомненно, явление, в силу чего в начале настоящей статьи было отнюдь не случайно сказано о парадоксальности сложившейся ситуации) прежде всего с точки зрения выстраивания соответствующих структурных понятийных рядов и иерархии принципов в целях формирования их системы. Однако все это, думается, составляет задачу не одного поколения исследователей и уж точно не только одного представителя науки.

Центральным звеном в системе принципов, существующих в международном праве, как норм, имеющих наивысшую юридическую силу, являются **основные принципы**. В капитальном труде в рамках отечественной науки международного права, каковым выступает «Курс международного права» (в 7 томах), со ссылкой на решение Постоянной палаты международного правосудия в 1927 г. по делу «Лотос», утверждается, что термин «принцип международного права» был издавна известен доктрине и практике, под ним понимались «или наиболее общие нормы права, либо принципы-идеи»⁴. К сожалению, не всё, что присутствует в данных тезисах, можно поддержать. И на это есть разные причины, которые станут понятными в дальнейшем.

Сейчас же необходимо отметить, что давность — понятие весьма относительное. Отсчитывать неотъемлемость принципов по отношению к международному праву с момента его возникновения объективно невозможно — принцип (исходя из одной лишь семантики слова) предполагает главенство, более высокое положение по отношению к другим правилам поведения, а следовательно, и наличие нижестоящих, «простых» норм. Таким образом, вести речь о принципах, и в частности о неких основных принципах в «давнем» международном праве, можно при условии обращения к более поздним периодам его существования. С учетом этого продуктивность исторического дискурса рассмотрения при подходе к истокам принципов современного международного права, и особенно его основных принципов, не вызывает сомнений.

Исторические и теоретические предпосылки понятия «принцип» в науке и практике международного права. В вышеуказанном смысле непосредственные ассоциации вызывают «принципы мирного союза государств»,

ного права: диапазон усовершенствования // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5 (144). С. 30—35.

³ Ануфриева Л. П. Епигма Конституции 1993 года: общепризнанные принципы и нормы международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 4—25.

⁴ Курс международного права : в 7 т. М. : Наука, 1989. Т. 2 : Основные принципы международного права / отв. ред. И. И. Лукашук. С. 5.

связанные с именем Иммануила Канта, который в своем политико-философском трактате «К вечному миру» еще в 1795 г. охарактеризовал политико-правовые, культурные и философские основы будущего существования народов, выразив идею объединения государств: «Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств... Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать мирным союзом и который отличался бы от мирного договора тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый — всем войнам и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, но лишь поддержание и обеспечение свободы каждого государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости подчиниться публичным законам и их принуждению», но должно постепенно привести таким путем к вечному миру⁵.

Союз государств, по мнению великого философа, мог бы позволить осуществлять контроль конфликтных ситуаций и осуществлять усилия по сохранению и укреплению мира между государствами. Продолжая обзирать последующие этапы в вопросе отражения принципов в актах международного права, важно обратиться к Уставу Лиги Наций, попытавшейся воплотить идеи Канта, провозгласив требования «уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги», подчиняясь в случае нападения, угрозы или опасности нападения мерам по обеспечению выполнения этого обязательства, Советом Лиги (ст. 10). При этом понималось, что «всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо или нет кого-либо из членов Лиги, интересуется Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир наций» (ст. 11). Предусматривалось обязательство разрешать любой возникший между членами Лиги конфликт третейским или судебным разбирательством, не прибегая к войне (ст. 12)⁶.

Термин «принципы» в его современном звучании — явление относительно недавнее в объективном праве и международно-правовой науке. В юридической литературе царской России конца XIX — начала XX в. бытовало понятие «начала»⁷. Иностранная же доктрина, хотя и пользовалась термином «принцип/

⁵ См.: *Кант И.* К вечному миру // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf. С. 11, 14.

⁶ Нет надобности, думается, отдельно подчеркивать, что в основополагающих принципах поствоенного времени (наступившего после Второй мировой войны) и принципах Лиги Наций во многом нет совпадения по юридическому содержанию, а иногда и по идейной составляющей, поскольку Лига Наций и принципы общения между государствами-членами были нацелены на охрану вовсе не мира как такового, а того международного порядка, в котором превалировали интересы его «создателей» — стран Антанты и союзных с ними государств. В то же время их игнорирование как предтечи нынешних принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН, было бы неправильным.

⁷ Отталкиваясь от значения, придаваемого «началам» в древнегреческой литературе («Начала», или «Элементы», Евклида о систематическом построении геометрии и теории чисел), под «началами» надо понимать отдельные базовые элементы, из которых

принципы», воспринимала словосочетание «принципы международного права» (англ. — *principles of international law*) совсем иначе — не только в отрыве от буквальной его трактовки, но даже отступая от понятия «начала», склоняясь больше к значениям словосочетаний «общие положения», «исходные тезисы» или «суждения и представления», касающихся международного права, что стало, пожалуй, некой традицией юридической литературы, относящейся уже к XX в.

Подтверждением служат некоторые из хрестоматийных трудов авторов периода 1950—1960-х гг. Так, работа Й. Броунли «Принципы международного публичного права»⁸, выдержавшая множество переизданий, термин «принцип» в современном понимании использует крайне редко. То же можно сказать и в отношении легендарного произведения крупнейшего ученого-юриста XX столетия Х. Кельзена «Принципы международного права»⁹, поскольку собственно принципы в нем так и не стали предметом анализа. Зато обстоятельно и самобытно, с воплощением авторских концепций, получивших мировую известность, изложен основной курс международного права.

Да и в более общем плане в западной литературе практически не встречаются курсы международного (публичного) права, тексты которых оперировали бы значительными разделами, посвященными принципам. Не являются исключениями в данном случае ни солидные издания, ставшие классикой современной теории международного права, ни менее крупные публикации¹⁰. Сказанное не означает, что зарубежной литературе вовсе не свойственны работы, касающиеся существа проблемы принципов международного права. Предположение подобного рода легко опровергается внушительным списком публикаций по данной тематике,

состоит наука. Сходное понимание наблюдается и в римском праве. Так, первая часть в Дигестах Юстиниана называется «Prota» (*древнегр.* «начала»), куда входят наиболее общие положения права и судопроизводства (см.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002. Т. 1. 584 с. С. 14).

⁸ См.: Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 9th ed. Oxford : Oxford University Press, 2019. 872 p.

⁹ См.: Principles of International Law by Hans Kelsen. The Law book Exchange Ltd., Clark — New Jersey, 2003.

¹⁰ См.: Shaw M. International Law. 8th ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 1033 p. ; International Law. 2nd ed / ed. by M. D. Evans. Oxford : Oxford University Press, 2006. 833 p.

В связи с упоминанием о менее известных изданиях укажем работу эстонского автора (см.: Mäliksoo L. Russian Approaches to International Law. Oxford : Oxford University Press, 2015. 240 p.). Но она, вопреки своему названию и предмету, будучи посвященной специально «российским подходам» к международному праву, которые, как замечено ранее, тем и отличаются, что на первый план ставят как раз принципы (основные принципы), этого вопроса не решает. Французская литература также не проявляет специального интереса к принципам международного права. Так, к примеру, некоторые учебные курсы международного права упоминают только «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» (см.: Alland D. Manuel de droit international public. 6-ème éd. mise à jour. Collection droit fondamental. Paris, 2019. 309 p. P. 178—181).

приведенным в вышеупомянутой отечественной работе «Курс международного права»¹¹.

Особенности правовой природы основных принципов. Их соотношение с иными ключевыми понятиями международного права, относящимися к принципам. Констатируя в целом отсутствие стремления западной доктрины внедрять в мировое общественное сознание понятие «основные принципы», нелишне признать, что такая тенденция далеко не в последней мере поддерживается нормативной практикой (как международной — договорной, так и внутригосударственной отдельных стран, в том числе и России). В частности, в новейших документах Российской Федерации международной направленности проскальзывают некоторые нюансы, отнюдь не способствующие достижению устойчивости в укоренении сформулированного концепта понимания такого термина, как «основные принципы».

К примеру, Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» предусматривает налаживание международного сотрудничества в обозначенной сфере «на основе строгого *соблюдения основных принципов и норм международного права*» (курсив мой. — Л. А.), в частности принципа суверенного равенства государств». Другими словами, к понятию «основные принципы международного права» далеко не единодушно воспринимаемому в международно-правовой действительности, добавляется еще один «двучлен»: «основные принципы и нормы международного права» (как будто основные принципы не являются нормами!).

Дополнительным примером усложнения терминологических и содержательных аспектов понятий, относящихся к принципам в международном праве, служат положения Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18.03.2014. Юридическая основа взаимоотношений сторон договора вытекает из формулировки: «...признавая и подтверждая принцип равноправия и самоопределения народов, закрепленный в Уставе Организации Объединенных Наций... в соответствии с *общепризнанными принципами и нормами международного права*, а также осознавая тесную взаимосвязь *других основных принципов международного права*» (курсив мой. — Л. А.), закрепленных, в частности, в Уставе Организации Объединенных Наций и Хельсинкском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». Выделенные фрагменты вызывают новые основания для недоумений, возникающих по поводу множасьей терминологической базы применительно только к одному разряду принципов международного права — его основным принципам.

Для отечественной правовой науки, которая активно пользуется рассматриваемым термином, основные принципы международного права служат руководящими, основополагающими нормами императивного, обязывающего и неоспоримого характера и квалифицируются в качестве краеугольных положений международного права и изучающей его науки, хотя ни в положениях Устава

¹¹ Курс международного права : в 7 т. Т. 2 : Основные принципы международного права. С. 5—6.

ООН, ни в Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, Хельсинкского акта СБСЕ подобное словосочетание не присутствует.

В то же время широко известен документ, в котором термин «основные принципы международного права» зафиксирован текстуально. Это резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (далее — ГА ООН) от 24.10.1970, содержащая Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (далее — Декларация 1970 г.)¹², которая, по существу, является кодификацией международного права и гласит: «Принципы Устава, воплощенные в настоящей Декларации, представляют собой основные принципы международного права, и поэтому (ГА ООН. — Л. А.) призывает все государства руководствоваться этими принципами в своей международной деятельности и развивать свои взаимоотношения на основе строгого соблюдения этих принципов»¹³.

Однако приведенная квалификация не раскрывается. Касаясь содержания Декларации 1970 г., нельзя не внести в приведенный выше обзор реакции зарубежной международно-правовой науки на понятие «основные принципы международного права» добавление о том, что объективную реальность трудно изменить, вследствие чего порою ее следует признавать. Так, авторитетный Комментарий к Уставу ООН, опирающийся непосредственно на нормы Устава ООН (в частности, главы 1 «Цели и принципы»), закономерно вынужден использовать те понятия, которые зафиксированы в акте, и именно «принципы», а не что-то иное¹⁴.

¹² Принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (см.: Дос. A/RES/2625(XXV) // СПС «КонсультантПлюс»).

¹³ В иностранной доктрине есть определенные исключения, которые касаются вопроса о принципах, например публикации известного уругвайского юриста Эдуардо Хименеса де Аречага или видного теоретика и практика международного права А. Кассизи. Первый из них трактует общие принципы международного права, относя к их числу предписания, входящие в разряд основополагающих норм: неприменения силы, невмешательства, суверенного равенства, равноправия и самоопределения народов и др., т.е. все то, что квалифицируется отечественным правоведением в качестве *основных принципов* (см.: Аречага Э. Х. де. Современное международное право / пер. с исп. М. : Прогресс, 1983. 480 с.), а второй посвящает 25 страниц текста «основным принципам, регулирующим международные отношения» (см.: Cassese A. International Law. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2005. 558 p.). Помимо этого, обозначения «основные правила», «принципы» или «основные принципы международного права» как «выражающие суть правовых положений о международных отношениях», а также «общие принципы международного права» не чужды и немецкой школе международного права. В подтверждение этого выступает солидный коллективный труд «Международное право» под ред. Г. В. Витцтума (см.: Международное право = Völkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер [и др.] ; пер. с нем. Н. Спица ; сост. В. Бергманн. 2-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2015. Серия «Германская юридическая литература: современный подход». Кн. 2. 1072 с. С. 43 и сл., 95—98).

¹⁴ См.: The Charter of the United Nations. A Commentary. 2nd ed. Vol. 1 / ed. by B. Simma. Oxford : Oxford University Press, 2002. 895 p. P. 39—44, 63—171.

Не раз в российских изданиях по международному праву отмечалось, что неразграничение основных и общепризнанных принципов международного права не вполне оправданно¹⁵. Вместе с тем некоторые контуры подобного решения заложены семитомным «Курсом международного права», определяющим основные (общепризнанные) принципы международного права как «исторически обусловленные, основополагающие общепринятые нормы, выражающие главное содержание международного права, его характерные черты и обладающие высшей юридической силой»¹⁶.

Иными словами, именно этот доктринальный источник ставит знак равенства между понятиями «основные» и «общепризнанные» принципы международного права, в то время как иностранная западная доктрина и практика, в большинстве случаев не углубляясь ни в сущность того или другого, ни в их отличия, предпочитают пользоваться понятием *jus cogens*. Правда, и в этом случае не все гладко: тождественность или кардинальное расхождение между *jus cogens* и основными принципами — далеко не праздные догадки и вопросы, ответы на которые еще предстоит получить.

При этом на фоне уже сказанного нелишне отметить, что и в отечественном правоведении наметилась тенденция оспаривания поддержки основных принципов международного права как обособляемой, специфической категории руководящих норм, выражающих его сущность. Подвергая сомнению оправданность выделения такого понятия, В. Л. Толстых вслед за зарубежной практикой высказывается за использование вместо них *jus cogens*¹⁷. Здесь нельзя не остановиться на немаловажном нюансе: западная наука как будто бы не ведает о рассматриваемой категории, просто не замечая ее, в то время как российский международник занимает весьма осмысленную позицию, возражая против анализируемого понятия.

Правда, в упомянутом сочинении автор все же излагает свод международно-правовых принципов, преподносимых именно в таком качестве¹⁸. Зато последующая его работа вообще обходит стороной и термин «основные принципы», и их дифференциацию по отношению к *jus cogens*, именуя ранее перечисленные 10 главенствующих норм, «известных благодаря документу ООН в качестве основных принципов международного права», просто «принципами», отводя им пять страниц текста. При этом, обращаясь к содержанию данного понятия, автор указывает: «Принципы международного права устанавливают ориентиры для правотворчества и толкования, а также непосредственно регулируют общественные отношения, особенно в случае пробелов. Некоторые принципы являются нормами *jus cogens* (запрет агрессии, право народов на самоопределение, некоторые права человека)»¹⁹.

¹⁵ См.: Ануфриева Л. П. Епигма российской Конституции 1993 года: «общепризнанные принципы и нормы международного права» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 4—25.

¹⁶ Курс международного права : в 7 т. Т. 2. С. 5.

¹⁷ См.: Толстых В. Л. Курс международного права : учебник. М. : Волтерс Клувер, 2010. 1056 с. С. 115—121.

¹⁸ Толстых В. Л. Курс международного права : учебник. М., 2010. С. 126—152.

¹⁹ Толстых В. Л. Курс международного права : учебник. М. : Проспект, 2018. 736 с. С. 159. Очевидно, что столь невнятное обозначение того, чем являются принципы в междуна-

Как видно, из поля зрения автора выпало главное: основные принципы имеют нормативное выражение, по своей правовой природе это главные правила поведения для субъектов международного права обязывающего характера. Явно брошенные вскользь суждения, граничащие с поверхностностью, небрежение, чтобы не сказать большего, теорией международного права, нигилистическое восприятие его принципов, проявляемые в цитируемых фрагментах, значат гораздо больше, чем это кажется на первый взгляд. За рамками изложенного стоит подчеркнуть, что многое в приведенных текстах лишний раз доказывает не просто неучтенность всех сторон изучаемых явлений и последствий выдвигаемых предложений, но прежде всего в целом недостаточность научных разработок в данной области, которую, безусловно, требуется устранить.

Осуществляя подобные шаги, не мешает опереться на фундированные выводы известных советских ученых, предметно занимавшихся проблемами принципов международного права, и именно основных его принципов. Так, Н. А. Ушаков, не колеблясь, констатирует: «Среди норм общего международного права выделяют его *основные нормы-принципы*. Основные принципы международного права — это такие нормы общего характера, в соответствии с которыми должны устанавливаться все остальные его нормы. Они являются исходными в системе международно-правовых норм и регулируют в обобщенном виде поведение в международных отношениях государств и иных субъектов международного права путем установления их основных прав и обязанностей»²⁰.

Не считая оправданным введение уточнения «нормы-принципы», тем не менее — по существу — следует определенно признать правоту представленных суждений, до сей поры не опровергнутую. Однако при этом стоит предостеречь от гиперболизации обобщенности правил поведения государств и иных субъектов международных отношений, присутствующей в приводимой характеристике основных принципов международного права. Думается, данное обстоятельство способно породить заблуждение относительно регулятивной функции принципов, а именно способствовать представлениям о принципах международного права как об абстракциях, оторванных от материальной основы и лишенных качества выступать регуляторами конкретных общественных (междувластных) отношений.

Принципиальная основа международного права, разумеется, не является застывшим формированием. Как отмечалось выше, нормы международного права, опосредствующие его основные принципы, объективны, исторически обусловлены и в своем развитии способны отражать потребности сообщества, испытывая на себе воздействие различных сил. Юристы-международники, специально обращавшиеся к данной проблеме, отмечают два пути уточнения, углубления и совершенствования международно-правовых принципов: а) конкретизация уже существующих нормативных элементов принципа без изменения их системы

родном праве, неминуемо ведет к скудным представлениям не только об их сущности, перечне и содержании, но и о сути явления, именуемого императивными нормами общего международного права — *jus cogens*.

²⁰ Ушаков Н. А. Международное право: основные понятия и термины. М., 1996. С. 7.

Развернутую характеристику основных принципов, представленную этим автором, см.: Ушаков Н. А. Проблемы теории международного права. М., 1988.

или «набора»; б) формулирование новых нормативных элементов в основных принципах²¹. Свое качество быть основными, т.е. исходными и вместе с тем фундаментальными, принципами для всей системы современного международного права они демонстрируют посредством воздействия на все другие категории и виды международно-правовых принципов и норм.

Соответствующей иллюстрацией в данном случае являются принципы права международной безопасности, в котором на этапе его становления значительно менее выраженными были начала коллективной безопасности, равной безопасности; в понятие принципа всеобщей безопасности не включались аспекты экономической или экологической безопасности. Главный фокус его содержания концентрировался на военной безопасности, которая проецировалась как кумулятивное проявление основных принципов: суверенного равенства, запрета применения силы и угрозы силой, невмешательства во внутренние дела, нерушимости границ, территориальной целостности, мирного разрешения споров. Однако с течением времени возникла настоятельная необходимость расширения как диапазона регулирования, так и, соответственно, содержания этого центрального принципа современного международного права.

Новое в развитии науки международного права в части принципиальной его основы. На фоне изложенного ранее по поводу в общем-то бездоказательного отрицания некоторыми современными российскими юристами-международниками потребности в понятии «основные принципы» применительно к международному праву привлекают внимание творческие инициативы некоторых зарубежных ученых в части развития принципиальной основы данной системы права. Речь идет о выдвижении китайской международно-правовой доктриной концепции «сопрогрессирования» и об условиях реализации основных принципов²² как о передающих сущность современного международного права.

Примечательно, что в представлениях о базовом наборе фундаментальных принципов «международного права сопрогрессирования» автор, во-первых, не отказывается от термина «основные принципы», а во-вторых, включает в пять принципов «международного права сопрогрессирования», рассматривая их с правовой

²¹ См.: *Игнатенко Г. В., Малинин С. А.* Новые тенденции в международном нормотворчестве // XXX ежегодное собрание Советской ассоциации международного права. 28, 29, 30 января 1987 г. : тезисы докладов. М., 1987. С. 8—9.

В качестве примера первого из указанных векторов приводится определение агрессии, конкретизирующее такой нормативный элемент принципа неприменения силы, как запрет применять вооруженную силу. Второй вариант демонстрируется авторами на материале принципов неприменения силы и нерушимости границ, посредством указания на обогащение их юридического содержания.

²² См.: *Yee S.* Towards an International Law of Co-progressiveness. Part II: Membership, Leadership and Responsibility. Leiden ; Boston, 2014. P. 1—18 ; *Сяньхэ И.* Международное право сопрогрессирования: общая характеристика, нормативное обоснование и некоторые основные принципы // *Российский юридический журнал*. 2015. № 5. С. 56—70.

С точки зрения лингвистической есть, разумеется, вопросы к переводу термина на русский язык — в оригинале у автора, как видим, имеет место существительное «co-progressiveness».

точки зрения, по сути, как принципы, закрепленные в Уставе ООН и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами 1970 г., которая и ввела данную формулу («основные принципы»), следующие принципы: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование²³.

Автор пишет: «В разгар “холодной войны” сущность заключалась в сосуществовании государств, в период разрядки международного напряжения — в их содействии (сотрудничестве), а сегодня, в эпоху после “холодной войны”, — в сопрогрессировании». В предложенном термине, согласно трактовке, выдвинутой самим автором, нашли отражение основные черты этого права — всеобъемлющего (отсюда приставка «со») и ориентированного на осуществляемый разумными темпами прогресс, в первую очередь моральный и этический, цель которого — процветание человечества (отсюда — «прогрессирование»)²⁴.

Это явный рефрен «пяти принципов мирного сосуществования» (принципов «панча шила») 1950—1960-х гг., сначала закрепленных в индийско-китайских отношениях соглашением 1954 г. о Тибете, а затем вошедших в Конституцию КНР 1982 г.²⁵ Во всяком случае, налицо полное текстуальное воспроизведение всех пяти принципов. И хотя в статье говорится о них как об основных принципах «международного права сопрогрессирования», которое и идейно и хронологически выступает следующим этапом в развитии настоящего и грядущего международного права (т.е. приходящего на смену и «праву сосуществования государств», свойственному разгару «холодной войны», и «праву содействия/сотрудничества» эпохи разрядки международной напряженности), вряд ли можно согласиться с предположением о тождественности принципов, предназначенных для кардинально различающихся по сути периодов в функционировании международного права. Главным контраргументом выступает неясность, в чем же тогда заключаются отличия в этапах и, соответственно, новизна, воплощающая сущность конкретного этапа?

Однако, как бы там ни было, нельзя не заметить главного: во всех составляющих изложенной концепции (добавим к этому, что и в ряде подходов других специалистов тоже!) фигурируют «основные принципы», которые, по замыслу китайского юриста-международника, действительно необходимы для отражения краеугольных отличий эпохи и адекватного ей международного права. Здесь необходимо подчеркнуть существенный момент: при всем видовом разнообразии

²³ См.: Сяньхэ И. Указ. соч. С. 65—68.

²⁴ Сяньхэ И. Указ. соч. С. 57 и сл.

²⁵ См.: Agreement between the People's Republic of China and the Republic of India on Trade and Intercourse between the Tibet Region of China and India, preamble, as reproduced. 1954 // On the Five Principles of Peaceful Coexistence — Essays in Commemoration of the Five Principles of Peaceful Coexistence. Beijing, 2004. P. 525.

Не стоит при этом забывать, что указанные положения поначалу служили принципами внешней политики двух стран, а не международно-правовыми принципами универсального значения. Чуть позже данные принципы легли в основу итогового документа Бандунгской конференции 1955 г. и движения неприсоединения в целом.

принципов в системе международного права, причем с учетом еще и наличия неординарных — «когентных» норм («императивных норм общего международного права») все же нельзя упускать из поля зрения особый их ряд, каковыми являются основные принципы.

Возникает закономерный вопрос: может ли категория *jus cogens* заменить собой основные принципы международного права? Ответ отрицательный — нет, не может: термин *jus cogens* не идентичен ни терминологически, ни содержательно, ни, что является главным, функционально понятиям «принцип» и конкретно — «основные принципы» международного права. Констатируя функциональную значимость основных принципов по сравнению с *jus cogens*, необходимо подчеркнуть, что они составляют не просто элемент в системе международного права, но обеспечивают роль несущей конструкции. К этому целесообразно добавить: будучи особой принадлежностью системы международного права, отражающей его сущность, природу и отличительные черты как уникального феномена, основные принципы не могут исчисляться десятками. В свете изложенного тот их перечень, который существует в настоящее время, очевидно, не будет неизменным, но вряд ли оправдан прогноз на его активное и быстрое «размножение» в будущем. Во всяком случае, искусственное подталкивание или торпедирование процессов подобного рода явно не способно принести нужные плоды.

Основные принципы и *jus cogens*. В непосредственной связи с указанным находится и ответ на вопрос о юридической квалификации основных принципов при их сопоставлении с *jus cogens* с точки зрения иерархии норм международного права. Здесь первейшим моментом для выяснения служит дилемма: входят ли эти два понятия в одну и ту же категорию или нет? Говоря другими словами, возможно ли основные принципы относить к *jus cogens*, а понятие *jus cogens* автоматически распространять на основные принципы, имея в виду, что ведь основные принципы также должны обладать «когентностью»?!

С внешней точки зрения, ответ вроде бы очевиден: сравниваемые понятия разнородны, ибо в современном международном праве далеко не все нормы *jus cogens* это основные принципы, хотя последние в силу своего юридического значения для системы международного права не могут не быть «императивными нормами общего международного права» (*jus cogens*).

Вторым обстоятельством, подлежащим выяснению, служит проблема иерархического положения основных принципов и *jus cogens* по отношению друг к другу, причем исходными являются две аксиомы: основные принципы обладают нормативностью, обязательностью, характером руководящих норм, наделенных высшей юридической силой; *jus cogens* — также императивные нормы. При этом нет доказательств того, что основные принципы подчиняются *jus cogens* либо что *jus cogens* подчиняется основным принципам.

В поисках убедительных подтверждений правильности того или иного ответа на данные вопросы следует обратиться к материалам Комиссии международного права ООН (КМП). Правда, содержание разработанных ею материалов далеко не всегда однозначно! В частности, и в 60-е гг. XX в., когда КМП готовила проект статей Венской конвенции о праве международных договоров, в рамках чего ею была предпринята разработка понятия *jus cogens*, и ныне, в ходе программно-

целевой работы над темой «*Jus cogens*»²⁶, КМП руководствовалась выявленными критериями норм *jus cogens*, в числе которых: императивность; общепризнанный характер («признание международным сообществом государств в целом»); принадлежность к «общему международному праву»; отражение и защита «фундаментальных (общечеловеческих) ценностей международного сообщества»; иерархически наивысшая юридическая сила по отношению к другим нормам международного права; невозможность отступления в силу соглашения сторон.

Казалось бы, что под данную категорию норм безусловно подпадает перечень принципов международного права, содержащихся в Уставе ООН, которые именуются в ее документах как основные принципы: неприменения силы и угрозы силой, уважения государственного суверенитета и суверенного равенства, мирного разрешения споров, невмешательства во внутренние дела других государств, равноправия и самоопределения народов и наций, сотрудничества, соблюдения международных договоров и обязательств. Они полностью отвечают приведенным выше признакам.

Однако по результатам рассмотрения работы КМП над темой в Шестом комитете ГА ООН и обсуждения в Комиссии 4-го доклада специального докладчика (A/CN.4/727) был, во-первых, поставлен вопрос о «региональном» *jus cogens*, а во-вторых, предложен для включения в выводы, представляемые в рабочий орган по выработке проекта заключительных положений по теме, *иллюстративного перечня императивных норм* (*jus cogens*) в виде приложения, с уточнением, что список носит неисчерпывающий характер и ограничивается теми императивными нормами общего международного права, на которые КМП ООН ссылалась ранее.

В этот перечень входят: а) запрещение агрессии; б) запрещение геноцида; в) запрещение преступлений против человечности; д) основные нормы международного гуманитарного права; е) запрещение расовой дискриминации и апартеида; ф) запрещение рабства; г) запрещение пыток; h) право на самоопределение. Как видим, даже несмотря на упомянутые оговорки, содержание списка далеко от того, чтобы допустить, что Комиссия в какой бы то ни было мере исходила из алгоритма понимания *jus cogens* прежде всего как принципов, закрепленных Уставом ООН.

Более того, последние фразы об условии вхождения в иллюстративный список норм, на которые Комиссия ссылалась ранее, вследствие чего, как следует догадываться, их статус в качестве норм *jus cogens* становится подтвержденным, еще сильнее обнажают суть того, почему Комиссия не обращалась к строго сформулированным предписаниям, например Устава ООН, опосредствующим принципы общего международного права, — его основные принципы. В этом плане, думается, даже подчеркивание ссылки на заведомую неполноту перечня не спасает положения. Не оправдывает подобное также и предположение о так называемых «частично когентных» нормах *jus cogens*²⁷, выявленных также и среди некоторых

²⁶ На своей 69-й сессии в 2017 г. Комиссия международного права ООН приняла решение об изменении формулировки наименования темы с «*Jus cogens*» на «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)».

²⁷ Подробнее об этом см.: *Wet de E. Jus cogens and obligations erga omnes* // The Oxford Handbook of International Human Rights Law / D. Shelton (ed.). Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 542.

принципов Устава ООН, благодаря чему можно было бы опровергнуть подобное допущение. Однако именно примеры этого рода присутствуют в иллюстративном списке (в частности, запрет на применение силы или угрозы силы (правда, в формулировке запрещения агрессии) или право на самоопределение).

Все изложенное, к тому же взятое в сочетании с такой совершенно абстрактной позицией списка, как «основные нормы международного гуманитарного права», является в итоге достаточным для определения парадигмы отыскания ответа на поставленный ранее вопрос, а именно констатации явного несовпадения рассматриваемых двух понятий в разработках КМП ООН по теме *jus cogens*.

В заключение к этому стоит добавить важное соображение: свод *jus cogens* не выступает сводом в собственном смысле этого слова (нормы, включаемые в данную категорию, в ряде случаев относятся не к общему международному праву, а функционируют как отраслевые), в то время как основные принципы, несомненно, во-первых, видятся как обладающие характеристикой устойчивого образования (т.е. служащие фундаментом в системе норм), во-вторых, принадлежат всему международному праву.

Следовательно, даже легкое прикосновение к сравнительно-правовым признакам основных принципов международного права и *jus cogens* не дает возможности квалифицировать последнее в качестве принципов международного права и тем более констатировать тождественность двух явлений. Причем в компаративном подходе к двум явлениям немаловажен и еще один момент — результат рассмотрения их через призму категориального подхода, т.е. определения способности того и другого служить *категориями* науки международного права. И если в отношении основных принципов есть возможность утвердительно ответить на соответствующий вопрос, то применительно к *jus cogens* это вряд ли реалистично. Однако данная проблема составляет самостоятельный предмет²⁸.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абашидзе А. Х.* Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. — 2017. — № 4 (108). — С. 19—29.
2. *Ануфриева Л. П.* «Основные принципы» как категория международного права // Актуальные проблемы современного международного права : материалы XVI Международного конгресса «Блищенковские чтения». Москва, 14 апреля 2018 г. : в 3 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н. Н. Емельянова. — М. : РУДН, 2019. — Ч. 1. — 582 с. — С. 186—197.
3. *Ануфриева Л. П.* Enigma Конституции 1993 года: общепризнанные принципы и нормы международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 3. — С. 4—25.

²⁸ См.: *Ануфриева Л. П.* «Основные принципы» как категория международного права // Актуальные проблемы современного международного права : материалы XVI Международного конгресса «Блищенковские чтения». Москва, 14 апреля 2018 г. : в 3 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н. Н. Емельянова. М. : РУДН, 2019. Ч. 1. 582 с. С. 186—197.

4. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2002. — Т. 1. — 584 с.
5. Курс международного права : в 7 т. — М. : Наука, 1989. — Т. 2 : Основные принципы международного права / отв. ред. И. И. Лукашук.
6. Международное право = *Völkerrecht* / В. Г. Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер [и др.] ; пер. с нем. Н. Спица ; сост. В. Бергманн. — 2-е изд. — М. : Инфотропик Медиа, 2015. — Кн. 2. — 1072 с. — (Германская юридическая литература: современный подход).
7. *Нефедов Б. И.* Принципы в международном праве : терминология // Московский журнал международного права. — 2019. — № 1 (113). — С. 6—17.
8. *Толстых В. Л.* Курс международного права : учебник. — М. : Волтерс Клувер, 2010. — 1056 с.
9. *Ушаков Н. А.* Проблемы теории международного права. — М., 1988.
10. *Сяньхэ И.* Международное право сопргрессирования: общая характеристика, нормативное обоснование и некоторые основные принципы // Российский юридический журнал. — 2015. — № 5. — С. 56—70.
11. Базовые принципы международного права: диапазон усовершенствования // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 5 (144). — С. 30—35.
12. *Brownlie's Principles of Public International Law.* — 9th ed. / J. Crawford. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — 872 p.
13. *Principles of International Law by Hans Kelsen.* — The Law book Exchange Ltd. — Clark ; New Jersey, 2003.
14. *The Charter of the United Nations. A Commentary.* — 2nd ed. — Vol. 1 / ed. by B. Simma. — Oxford : Oxford University Press, 2002. — 895 p.
15. *Wet de E.* *Jus cogens and obligations erga omnes* // The Oxford Handbook of International Human Rights Law / D. Shelton (ed.). — Oxford : Oxford University Press, 2013.
16. *Yee S.* *Towards an International Law of Co-progressiveness. Part I; Part II: Membership, Leadership and Responsibility.* Leiden; Boston, 2014. P. 1 — 18.

